

Эми Кармайкл родилась в 1867 году в Ирландии, а умерла в 1951, в Индии, куда приехала миссионеркой. Главным делом её жизни стало спасение малолетних детей от физической и нравственной гибели, угрожавшей им со стороны индуистских храмов. С этой целью было основано сообщество «Донавур», где сотни беззащитных детей нашли свой дом, узнали и полюбили Господа Христа. Сообщество живет и действует и сейчас, более, чем 100 лет со дня своего основания, и это неудивительно, потому что с самого начала Эми и её друзья стремились сделать так, чтобы его главным основанием была Голгофская любовь.

«Однажды одна из моих сотрудниц пришла ко мне с проблемой, которая касалась одной сестры, действовавшей вразрез с путём Любви. За этим последовала бессонная ночь, ибо в такие моменты всегда возникает один и тот же вопрос: «Господи, не моя ли это вина? Не я ли подвела её в чём-то важном? Знаю ли я сама любовь Голгофы?» И тут вдруг, фраза за фразой, ко мне стали приходить строки, начинавшиеся словом «Если», — как будто кто-то говорил их вслух моему внутреннему уху.

На утро я поделилась услышанными словами с одним из друзей (потому что ночью записывала их). Позднее мы напечатали на нашем маленьком ручном прессе несколько экземпляров моих записей; так и появилась эта книжечка».

ЕСЛИ..я чувствую себя уязвленной, когда кто-то обвиняет меня в проступке, в котором я невиновна; если я забываю, что мой безгрешный Спаситель прошел путь несправедливости до конца, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...людская похвала поднимает мне настроение, а людское осуждение вгоняет в депрессию; если я не могу оставаться спокойной, когда меня не понимают и превратно истолковывают мои поступки; если я не могу удержаться от самозащиты; если мне больше нравится чувствовать чужую любовь к себе, нежели любить самой; если мне больше хочется, чтобы мне служили, нежели самой служить другим, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...я боюсь призывать другого человека к высшей цели, потому что не призывать его к вершинам намного легче, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...я желаю на земле какого-то иного места, кроме пыли у подножья Креста, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...меня нельзя попросить о самом трудном и самом страшном; если мои соратники боятся обращаться ко мне с этим и идут к кому-то другому — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...я пытаюсь увернуться от того, чтобы Господь «вспахивал моё сердце», а также от всего, что подразумевает такая «пахота»: сурового обращения, одиночества, неприятных ситуаций, странных испытаний, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...я могу написать недобroе письмо, сказать недобroе слово, позволить себе недобрую мысль и при этом не чувствовать ни стыда, ни горя, — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ...я принижую тех, кому призвана служить, указываю на их слабости, возможно, сравнивая их с тем, что считаю своими сильными сторонами; если начинаю ощущать собственное превосходство над другими, забывая слова «Что ты имеешь, чего не получил?», — значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я безвольно сочувствую человеческой слабости и говорю вслед тому, кто начал отворачиваться от Креста: "Тебе же будет хуже!"; если я отказываю ему в таком сочувствии, которое призовет его собраться, взять себя в руки и встать на верный путь; отказываю в смелом и ободряющем слове товарищества, - значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я боюсь сказать правду из-за страха потерять к себе теплое отношение, из-за страха, что мне скажут: "Ты не понимаешь", или из боязни потерять свою репутацию доброго человека; если я забочусь о своем имени больше, нежели о высшем благе другого, - значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если мне удается открыть что-то такое, что не давалось другим, но при этом я забываю Того, Кто открывает глубокое и сокрытое, знает все, что во тьме, и являет сие нам; если я забываю, что это именно Он даровал луч света своему весьма недостойному слуге, - значит, я ничего не знаю о Голгофской любви

Если я запуталась в какой-нибудь "неукрощенной, чрезмерной привязанности"; если какие-то вещи, места или люди удерживают меня от послушания моему Господу, - значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если во мне нет долготерпения моего Спасителя к тем душам, которые возрастают медленно; если мне почти совсем неизвестны родовые муки (болезненные и дикие схватки), продолжающиеся до тех пор, пока в этих душах не изобразится Христос, - значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ я начинаю обличать брата или сестру в неправедности, руководствуясь какими-то иными помыслами, кроме того, что сказано в словах Господних: "Одесную Его огонь закона. Истинно Он любит народ Свой"; и если, обличая, не чувствую скорби и боли,-значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ я слёгкостью обсуждаю недостатки и грехи других людей; если могу с небрежностью говорить даже о провинностях ребёнка,-значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ кто-то подвёл и разочаровал меня однажды, и теперь я думаю о нём со страхом, а не с верой; если он падает опять , а я говорю себе: "Так я и думал!"-значит я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ я не пытаюсь объяснить непонятный поступок или непонятные слова друга наилучшими из возможных его побуждений, но вместо того, чтобы приписать ему самое лучшее , думаю про него самое что ни на есть худшее,- значит я ничего не знаю о Голгофской любви.

ЕСЛИ вместо того, чтобы заботиться единственно об освобождении закованной в плёну души, я жадно желаю, чтобы Бог именно через меня показал ей путь к свободе; а когда у меня самой не получается указать такой путь , я начинаю тосковать от разочарования вместо того, чтобы просить Бога дать слово свободы через кого-то другого,-значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я с удовольствием выслушиваю шутку, высмеивающую другого человека, или сама не прочь пошутить на чей-то счёт; если я могу каким бы то ни было образом

очернить человека в разговоре или даже в мыслях, значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если во время трудностей, падений и неприятных происшествий моё беспокойное «я» тревожит меня намного больше, чем скорбь моего Спасителя, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я устала вновь и вновь пробиваться к человеку, которому, по видимому, всё равно, и из-за усталости решила выскользнуть из-под ярма, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я швыряю исповеданный, прощённый и забытый грех в лицо согрешившего предо мною человека и позволяю воспоминаниям об этом грехе окрашивать мои мысли и питать мои подозрения, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не могу в молчании хранить всё, что знаю и думаю о согрешающей и неразумной душе (кроме тех случаев, когда ради блага этой души или ради блага других людей мне всё же необходимо что-то сказать), – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я удовлетворяюсь тем, что лишь слегка прикрываю рану, говоря «мир, мир!», там, где нет мира; если я забываю такое важное слово: «Да будет любовь ваша без утайки», и затупляю лезвие истины, говоря не то, что правильно, а то, что гладко и безопасно, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я цепляюсь за какие-то решения просто потому, что они мои; если я даю волю своим личным приязням и неприязням, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я ставлю своё собственное счастье выше качества доверенной мне работы и благосостояния вверенных мне людей; если я унываю и опускаю руки, хотя и служение моё продолжается, и я уже обрела в нём много милости, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не слишком требовательна к себе и мягко и неприметно скатываюсь в уютный и удобный грех жалости и сочувствия к себе самой; если я не упражняюсь в стойкости, полагаясь на Божью милость, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я вдруг вижу, как на порог ложится тень моего своеволия, но тут же не захлопываю перед ним дверь; если в силе Того, Кто производит в нас и хотение и действие, я не могу и дальше держать эту дверь закрытой, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не могу с искренней радостью занять второе (или двадцатое) место; если я не могу занять первое место без лишнего шума и протестов о том, что я его недостойна, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не могу оставаться спокойной перед лицом Необъяснённого, забывая Его слова: «Блажен тот, кто не соблазнится о Мне»; или допускаю малейшее сомнение в Его благости, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я легко и быстро обижаюсь; если я готова жить в атмосфере прохладного недружелюбия там, где возможна дружба, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если из-за внезапного потрясения я могу сказать нетерпеливое и недобroе слово, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви*.

* Ибо если чаша полна свежей воды, из неё не выльется ни капли горечи, как бы внезапно её ни толкнули.

Если я горько обижена на тех, кто осуждает меня (и, как мне кажется, несправедливо); если забываю, что, знай они меня так, как я сама себя знаю, то осуждали бы меня гораздо больше, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я говорю: «Да, я прощаю, но забыть не могу», – как будто бы Бог, дважды в день омывающий бесчисленные пески на берегах всего мира, не способен смыть такие воспоминания из моего сознания, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если мне сильно нужна помощь, но людям, способным мне помочь, всё равно, из чего строить – из дерева, соломы и сена, или из золота, серебра и драгоценных камней, – и я не решаюсь последовать своему внутреннему убеждению и отказаться от их помощи, потому что мой поступок поймут совсем немногие, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если мне доверена забота о душе (или о сообществе душ), а я позволяю этой душе подвергаться нездоровому, ослабляющему влиянию, потому что уши мои наполняет шум мирских голосов и всё моё внимание поглощено сиюминутными заботами, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если сейчас я приношу больше всего пользы, занимаясь такой работой, которую несведущие люди считают «недуховной», но при этом начинаю внутренне бунтовать и сопротивляться, полагая, что жажду «духовного» дела, хотя, на самом деле, мне просто хочется чего-то интересного и нового, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если монотонность действует мне на нервы, и я плохо переношу скучные будни; если глупые люди раздражают меня, а небольшие неприятности изрядно мне досаждают; если я чересчур резко реагирую на мелочи жизни, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не думаю об удобстве других людей, об их чувствах или даже небольших слабостях; если я небрежно отношусь к их мелким обидам и ранам, не стремлюсь как-то облегчить и разровнять им путь; если я затрудняю плавное и слаженное вращение колёс нашего общего хозяйства, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если меня раздражает, когда мою работу внезапно прерывают; если из-за своих личных забот я бываю нетерпелива, если я омрачаю окружающих из-за того, что сама погружена в мрачную тень, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви. Если рядом со мной страдают души, а я едва это замечаю, потому что во мне нет духа различения, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не могу полностью забыть о своём личном успехе и достижениях, так что мысль о них даже не приходит мне в голову (а если приходит, то немедленно изгоняется вон); если чаша духовной лести кажется мне сладкой, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не хочу допустить, чтобы дорогой мне человек страдал ради Христа; если я не вижу в таком страдании величайшую честь, какую только может принять последователь Распятого, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если в жизни человека я встаю на то место, которое может заполнить только Христос, и превращаю себя в первую потребность его души, вместо того, чтобы подвести и прикрепить его к Христу, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если мой интерес к работе других людей весьма прохладен; если я считаю только свою работу совершенно особенной и самой важной; если ноши других людей не становятся моими, и я не радуюсь радостям других, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если получая неожиданный ответ на молитву (которая, как мне кажется, была совершенно искренней), я отшатываюсь от него; если бремя, вверенное мне Господом, совсем не похоже на то, что я выбрала бы для себя сама; если я втайне недовольна, раздражена и не радуюсь Его воле, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я спрашиваю, за что Бог посыпает мне то или иное испытание, и настойчиво прошу молиться за то, чтобы оно прекратилось; если мне нельзя доверить разочарование, и я не могу оставаться спокойной перед лицом непонятного, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я преувеличиваю важность дела, вверенного мне Господом; если тайно возвеличиваю его перед собой и тонкими намёками – перед другими, давая им понять, как это «тяжело»; если я с ностальгией вспоминаю былое и подолгу брошу в полях воспоминаний, так что моя сила помочь другим ослабевает, – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если моё сердце не жаждет такой любви, которая одна способна «сделать тяжёлое лёгким и ровно нести всякое неловкое бремя», – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я не хочу быть семенем, падающим в землю и умирающим («вдалеке от всего, чем оно жило раньше»), – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Если я больше прошу Бога удалить от меня то или иное испытание, нежели избавить меня посреди него ради похвалы славы Его; если забываю, что крестный путь ведёт к кресту, а не к берегу реки, заросшему незабудками; если меня удивляет трудность пути и тяготы кажутся мне странными (хотя Слово гласит: «Огненного искушения не чуждайтесь, как приключения для вас странного», «почитайте сие радостью»), – значит, я ничего не знаю о Голгофской любви.

Тому, чего не знаю я, научи меня Ты, О Господи мой Боже.